

Человеку не спится...
За окном — подмосковная ночь.
Человеку не спится. Человеку сегодня невмочь.
И не только — сегодня: и вчера, и позавчера
Человека тревожили эти ночи и вечера...
Ветки яблонь тычутся в окна, у забора сереет сирень,
Ноготки и рудбеки на цыпочках тянутся в завтрашний день.
Человеку не спится. Не спится ему, не ложится —
Неохота ни книгу читать, ни гулять, ни напиться
Человеку не спится.

Большеносый, сутулый, нахохленный, словно старая птица.
Человек раздражен, человеку сегодня не спится.
Он шагами неверными широкую комнату мерит.
Он глядит в подмосковную ночь и ничуть этой ночи не верит.
Окна — настезь. Теплый воздух патокой липнет к лицу
Георгины большеголовые подходят тихонько к крыльцу.
Где-то там, за рекою, выпь не может угомониться.
Человеку не снится.

Человеку не спится: у него и катар и одышка.
В синих брюках, в кармане, лежит пенсионная книжка.
Орден и медалей колодки на новом горят пиджаке.
На плече — огнестрельная рана, и шрам от ножа — на руке.
Что-то чаще и чаще сердце стало давать осечку...
Подмосковная дача смотрит окнами в сонную речку,
Там кувшинки цветут.
А ему ни на что не глядится.
Человеку не спится.

Тридцать лет пролетели, как сон, а сегодня не спится...
Без него, без него намечается план экспедиций.
Человеку не спится...

Он встает.
Он выходит за дверь.
Он стоит на высоком крыльце.
Расцветает улыбка на морщинистом бледном лице.

Он — решил.
Чемодана не надо. Пачку денег в карман пиджака,
От волнения дрожа, сует торопливо рука.
Дегтем пахнущие сапоги. Нет, не шляпа, а старая кепка.
Враз зеленая куртка ремнем перехвачена крепко.
Вот и все... Он — готов.

Самолет ревет на заре
И взвивается ввысь, тая в облачном серебре.
Колыма! Берелех!
Самолет идет на посадку,
Разыскав среди вздыбленных скал небольшую площадку.

Человек выходит на воздух. Он шурит глаза и дрожит.
Колыма! — как он рвался к тебе!
Нет, ему без тебя не прожить!
Он натруженным горлом хватает трепещущий воздух.
В бледном небе вечернем — такие знакомые звезды.
Колыма! — нет родней твоих сопки, низин и болот!

Человек холодной рукой папиросу тихонько берет,
Сизый дым улетает, спиваясь с синеющей далью...

Он идет к промприбору.
Надрывно звенят комары.
Звонко камни считает ручей. Бурундук засвистал из норы.
Он идет напрямиком. Он глядит, неотрывно глядит
На людей у прибора.
Руки сами прижались к груди,
Будто сердце желая унять. Сердце бьет о ладони...
Он идет к промприбору, оставляя в болотине след.

Начинается дождь. Капли надают, тихо звеня.
Кто-то с криком навстречу бежит.
«Неужели узнали меня?»
...Ах, зачем эти рыжие звезды
в глазах утомленных ребят?!
Ах, какие горячие, сильные руки у этих ребят...»
Это — братство таежное, горняков колымских семья:
— Это — вы?!
— Это — я...

Рассветает. Спотыкаясь о сопки, пыля на бегу,
Ковыляет дорога куда-то в глухую тайгу.
У костра-дымокура на ворохе стеганок ватных
Тихо спит человек. Спит, улыбаясь во сне.

Рассветает.
Туман уплывает в распадки.
Ветер что-то бормочет невнятно.
На Востоке, за сопками, небо начинает смущенно краснеть.

У костра-дымокура спит седой усталый мужчина.
И дождевики блестят на бледном, небритом лице.
Где-то в чаше таежной кукушка тоскует, считает гола,
Да поблизости, в скруббере, ревом ревет вода.
Горизонт опоясала сопки безмолвных гряда.
На вершинах — нетающий снег.

Дождь тихонько стучит.
Человек спит.
Спокойно спит человек.